

Научная статья
УДК 93.94+001
doi: 10.17223/19988613/99/10

Образы советских спецслужб в произведениях жертв сталинизма и в современной исторической науке

Алексей Владимирович Сушко

Омский государственный технический университет, Омск, Россия, alexsushko_1974@mail.ru

Аннотация. Характеризуются образы советских спецслужб, созданные в воспоминаниях и художественных произведениях граждан, пострадавших от массовых политических репрессий, и в современной российской историографии. Сделан вывод, что приблизиться к написанию многомерной истории советских спецслужб в настоящее время все еще не удалось из-за недостаточно полной источниковой базы, а также идеологической остроты темы, разобщающей ведомственных и гражданских историков, массово производящих односторонние оценки и конфликтующие между собой образы, фрагментирующие историческое сознание современных россиян.

Ключевые слова: интеллектуальная история, историография, образ, воспоминания, спецслужбы, сталинизм, политические репрессии

Для цитирования: Сушко А.В. Образы советских спецслужб в произведениях жертв сталинизма и в современной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 89–100. doi: 10.17223/19988613/99/10

Original article

Images of the Soviet special services in the works of the victims of Stalinism and in modern historical science

Alexey V. Sushko

Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation, alexsushko_1974@mail.ru

Abstract. The article characterizes the images of the Soviet special services as presented in the memoirs and works of art by citizens who suffered from mass political repressions, and in modern Russian historiography, where conflicting images have been created by civil and departmental historians. The relevance and scientific significance of the study are due to the intensity of discussions on the history of the domestic special services among professional researchers and the fragmentation of the historical consciousness of modern Russians. The essential features of the images of the domestic special services are described, determined by the specifics of their existence in the mass consciousness and by the peculiarities of the activities of the Soviet state security agencies. The source base for the study comprises the memoirs of victims of mass political repressions in the USSR and the works of modern historians. The methodological basis of the study combines the anthropological approach with biographical and comparative-historical methods. Using the anthropological approach and the biographical method, the dependence of the image of the domestic special services on the biographies of the authors who create them is analyzed. The comparative-historical method allowed for the comparison of the available images. This theoretical framework made it possible to address the research problem. The study considers how the negative image of the Soviet special services, created by the victims of Stalinism, significantly influenced the focus of research by civilian historians and continues to foster a negative attitude among the modern general readership toward the security agencies. Also characterized is the incompleteness of the image created in the works of departmental historians, who in their work seek to defend the "honor of the uniform." The author concludes that the artistic and journalistic image of the Soviet special services, created in the works of citizens who suffered from mass political repressions in the USSR, has to a large extent determined not only mass consciousness but also the development of domestic historical science, which, in covering political repulsions, has been influenced by vivid denunciations of the executioners. At present, it has still not been possible to move closer to writing a multidimensional history of the Soviet special services, due to an insufficiently complete source base as well as the ideological sensitivity of the topic, which divides departmental and civilian historians and leads them to produce largely one-sided assessments and conflicting images. A comprehensive study of the Soviet state security agencies will remain one of the most pressing problems in Russian history for the next decade. The results of the study will be useful to specialists in the history of the special services and the Soviet state.

Keywords: intellectual history, historiography, image, memories, secret services, Stalinism, political repression

For citation: Sushko, A.V. (2026) Images of the Soviet special services in the works of the victims of Stalinism and in modern historical science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 89–100. doi: 10.17223/19988613/99/10

Общая характеристика проблемы

В истории советских спецслужб есть сюжет, вызывающий неоднозначные суждения исследователей – это массовые политические репрессии в отношении советских граждан в эпоху сталинизма. До перестройки в СССР в советской исторической науке, занимавшейся героизацией и сакрализацией прошлого чекистского ведомства, по идеологическим соображениям писать о репрессиях было нельзя. «В результате параноидальной секретности не дать лишнего козыря своим противникам в глобальном противостоянии с “миром капитала”, синдрома неизжитого страха перед органами госбезопасности и вместе с тем попыток героизации их образа в советскую эпоху наблюдались замалчивание, принижение и искажение роли ВЧК. Не только население и гражданские историки не имели сколь-нибудь внятного представления о реальной истории ВЧК, но даже сами сотрудники КГБ и его штатные историки, за редким исключением, находились в плену распространенных клише», – отмечает историк спецслужб С.В. Леонов [1. С. 124]. До перестройки в СССР под воздействием господствовавшей коммунистической идеологии советская историческая наука, легально издававшаяся художественная литература и публицистика свое внимание сосредоточили преимущественно на романтических сюжетах истории советских органов безопасности, создав в массовом сознании их героический образ.

Отрицательный образ советских органов государственной безопасности был создан за рубежом идеологическими противниками коммунистического государства, эмигрировавшими из России. В основании его конструирования лежал труд талантливого историка С.П. Мельгунова. В монографии, посвященной красному террору, историк представил чрезвычайно негативную, одностороннюю характеристику кадрового состава советских спецслужб, местами недостоверно и художественно описал зверства чекистов, преувеличивая масштабы «красного террора» [2]. Идеи С.П. Мельгунова развивались целой когортой историков-эмигрантов, борющихся с коммунизмом на историческом фронте и не утруждавших себя следованием принципу научной объективности и элементарными приемами критики исторических источников. Российский историк А.С. Соколов подробно и убедительно проанализировал изъяны эмигрантской историографии органов ВЧК, доказав ее тенденциозность [3]. Работы историков-эмигрантов первоначально издавались на Западе и не были известны массовому читателю в СССР. Созданный эмигрантскими историками образ советских спецслужб долгое время имел хождение в русской эмигрантской среде. Однако в СССР идеи историков-эмигрантов оказались актуальными и были развиты соотечественниками, пострадавшими от массовых политических репрессий в эпоху сталинизма. В постсоветской России труды историков-эмигрантов выдержали многократные переиздания. Они востребованы массовым читателем, так как являются частью образа спецслужб в общественном сознании.

Крах идеологически заданного образа советских спецслужб на территории СССР наступил в годы пе-

рестройки. В то время огромными тиражами начали массово публиковаться многочисленные произведения жертв политических репрессий в СССР: воспоминания, публицистика и художественная литература. В большинстве своем эти люди, используя благоприятную общественно-политическую ситуацию, самореализовывались, рассказывая обществу о своей нелегкой судьбе. В общем потоке негативной информации о чекистском ведомстве их труды стали важнейшим источником для десакрализации в общественном сознании советских спецслужб и формирования их негативного образа.

В значительной степени под влиянием таких произведений и академическая историческая наука стала «разоблачать» сталинизм и его важнейший элемент – советские спецслужбы. Об изменении отношения к советским спецслужбам на закате советской эпохи и в постсоветском обществе британская исследовательница Джули Федор пишет: «В августе 1991 г. фигуру чекиста демонстративно изгнали с российской символической арены, ниспровергнув гигантскую статую Держинского в центре Москвы, – то был апогей российской демократической революции. В центре общественного внимания оказались разоблачения массовых убийств, совершенных советскими органами госбезопасности, поскольку тогда на какое-то время был открыт доступ к секретным архивам, материалы которых стали публиковаться. Органы безопасности и их история стали предметом беспрецедентной критики и осуждения» [4. С. 11].

Отрицательный художественно-публицистический образ советских спецслужб, созданный жертвами сталинизма, стал основой для создания негативного научного образа, доминировавшего в российской историографии на протяжении первой половины 1990-х гг. Специально проанализировавшая литературу по проблеме политических репрессий в СССР М.В. Казьмина отмечает, что «в работах второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. были обозначены важнейшие проблемы репрессий. Историография носила постановочный характер. Преобладали издания художественно-публицистического плана» [5. С. 148].

Большинство исторических трудов по истории советских органов государственной безопасности, опубликованных в первой половине 1990-х гг., было посвящено массовым политическим репрессиям в СССР, что объяснялось условиями развития страны и научного сообщества. Во-первых, для критики сталинизма и советских спецслужб существовал политический заказ, так как с конца 1980-х гг. «отчуждение сталинизма стало основным моментом в становлении политической культуры демократическо-либерального направления» [6. С. 434]. После того как в начале 1990-х гг. представители этой политической культуры пришли к власти в Российской Федерации, критика советского прошлого была им необходима для дискредитации политических оппонентов, апеллировавших к коммунистическим идеям. Во-вторых, в результате «архивной революции» был открыт громадный массив ранее недоступных исследователям документов о массовых политических репрессиях в СССР. Это стало мощнейшим стимулом для активизации научного изучения историками политических репрессий. Основными

проблемами гражданского направления в историографии советских спецслужб с 1990-х гг., активно развивающегося по настоящее время, стали массовые политические репрессии в СССР и кадровое обеспечение органов ВЧК–НКВД. Гражданские историки сформировали односторонне негативный образ советских органов государственной безопасности.

Со второй половины 1990-х гг. наметилась активизация ведомственных историков, переживших вместе со своей организацией падение престижа службы, многочисленные структурные реорганизации и пресинг со стороны общественности, находившейся под воздействием негативного образа чекистского ведомства, созданного в художественно-публицистических и научных работах.

Историки из спецслужб постарались противопоставить односторонней критике советских органов государственной безопасности, на их взгляд, более научно обоснованные оценки деятельности чекистского ведомства. С этой целью с 1996 г. была задумана и проводится по сей день научная конференция «Исторические чтения на Лубянке». Для участия в ней приглашались исследователи разных взглядов, которые были готовы к аргументированному научному диалогу (по факту конференция стала научной площадкой, где собираются ведомственные и гражданские историки, не принявшие огульной критики советского прошлого и на основе принципа научной объективности пытающиеся его объяснить). Регулярное проведение конференции дает возможность обсуждать актуальные проблемы истории отечественных спецслужб, позволив привлечь к исследованию их истории гражданских исследователей, настроенных не обличать, а объяснять прошлое. В 2001 г. ведомственными историками было основано «Общество изучения истории отечественных спецслужб», куда в настоящее время входят более 500 исследователей [7. С. 8].

В 2000-е гг., по мнению ряда исследователей, общественная инициатива ведомственных историков получила поддержку государства. Как отмечает, например, исследователь Э.А. Ганюшкина, «в русле softpower кремлевские политтехнологи начали реализовывать технологию управления прошлым – историческую политику, направленную на реабилитацию образа российских спецслужб в контексте формирования новой модели коммуникации между властью и обществом. Характерной чертой данной модели являются преодоление радикальных разрывов с недавним советским прошлым и включение дискурса силовых институтов в позитивную повестку формирования общенационального versus гражданского единства» [8. С. 171]. Британская исследовательница Джули Федор высказывает аналогичное мнение, считая, что «российский культ государственной безопасности сегодня как никогда актуален в силу своей связи с текущими событиями в России. В новой российской государственной идеологии фигура чекиста играет заметную роль» [4. С. 12].

Организирующая роль государственной идеологии для утверждения в историческом сознании российского общества позитивного образа чекистского ведомства вызывает сомнение. В Конституции России закрепле-

но «идеологическое многообразие», о реальности которого свидетельствует и наличие в российском информационном пространстве противоположных образов советских органов государственной безопасности. В своем интервью один из ведущих специалистов по истории отечественных спецслужб А.М. Плеханов не согласился с точкой зрения о существовании в современной России культа органов государственной безопасности и довольно критично высказался об отсутствии у государства политики в этой области: «Вы посмотрите на то, что происходит с исторической наукой сегодня: ликвидируются кафедры истории, сокращаются часы на этот предмет, новые книги по истории спецслужб издаются мизерными тиражами и фактически недоступны широкому кругу общественности. У государства нет четкой политики в этой области: с одной стороны, провозглашается важность исследования и изучения истории, с другой – идет ее уничтожение. Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”» [7. С. 9]. Создание более объективного и позитивного образа чекистского ведомства (в отличие от либеральных гражданских историков) в российской исторической науке произошло не в результате целенаправленной политики государства, а вследствие инициативы и усилий ведомственных историков и части гражданских историков, солидаризировавшихся с ними. Ими был создан образ советских спецслужб, в какой-то мере продолживший советскую традицию их идеализации. Этот образ основан на жизненно важных для существования общества и государства аспектах деятельности органов государственной безопасности (разведка, контрразведка, борьба с бандитизмом и экономическими преступлениями и пр.).

Таким образом, в результате острых научных и политических баталий, начавшихся во второй половине 1980-х гг. и продолжающихся поныне, в общественном сознании современной России конфликтуют противоречивые образы советских спецслужб. Эта ситуация требует осмысления. Цель данной работы – исследование и сравнение образов советских спецслужб, созданных в произведениях граждан, пострадавших от массовых политических репрессий в СССР, а также в работах современных отечественных историков.

В российской историографии термин «образ» в последние годы используется довольно часто в исследованиях, посвященных проблемам истории отечественных спецслужб и милиции [8–10]. В словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «образ» определено как «живое, наглядное представление о ком- или чем-либо». Характеризуя методологию исследования образа советских спецслужб, следует определить значение термина «образ» и его свойства применительно к цели нашего исследования. Мы определим термин «образ советских спецслужб» как сложный комплекс представлений об органах государственной безопасности, сохраняющихся в историческом сознании общества, отражающих идеологические оценки и эмоциональное отношение людей к ним.

Основополагающей методологической основой исследования является вывод теоретиков интеллектуаль-

ной истории о том, что историку недоступно познание объективной реальности. Образы, с которыми работают историки, Ролан Барт называл «эффектом реальности» [11]. В настоящее время термин «образ» трактуется в гуманитарном знании как «категория не просто собирательная, она сложна для репрезентации и последующего анализа тем, что является дискурсивно-конструированной, т.е. зависит от большого количества факторов, будучи привязана к определенным условиям, событиям, настроениям и иным маркерам ситуации» [12. С. 92]. Выражающие деятельность советских органов безопасности образы не могут объективно отразить реальность, они в разной степени приближены к ней. Реальная деятельность спецслужб и научное, а также художественно-публицистическое ее отражение и восприятие взаимосвязаны, но расчленены.

В связи с поставленной целью анализу в статье будут подвергнуты следующие аспекты образов советских спецслужб: во-первых, отношение писателей и историков к органам государственной безопасности, оценки их деятельности, являющиеся основами для формирования образа чекистского ведомства; во-вторых, опыт жертв политических репрессий по взаимоотношению с чекистами и, соответственно, персональное отношение к сотрудникам органов государственной безопасности, а также отношение к чекистам современных гражданских и ведомственных историков.

ГОСУЖАС: образ советских спецслужб в произведениях жертв сталинизма

Произведения граждан, пострадавших от массовых политических репрессий в СССР, представляют собой симбиоз воспоминаний, публицистики и художественных сочинений. Для исследования в значительном массиве сочинений жертв политических репрессий были отобраны произведения известных литераторов: А.П. Арцыбушева (1919–2017) – художника и мемуариста; Ю.О. Домбровского (1909–1978) – писателя и поэта, литературного критика, мемуариста; Т.В. Петкевич (1920–2017) – актрисы, театроведа и писательницы-мемуаристки; А.И. Солженицына (1918–2008) – писателя и поэта, драматурга, общественного и политического деятеля, лауреата Нобелевской премии; Б.Д. Четверикова (1896–1981) – писателя. В эпоху сталинизма они были осуждены по печально знаменитой 58-й антисоветской политической статье Уголовного кодекса. Критерием отбора произведений служило то, что все эти авторы значительное внимание уделили репрессивной деятельности органов ОГПУ–НКВД и их борьбе с инакомыслием. Книги, написанные ими, и в настоящее время издаются значительными тиражами и стабильно пользуются высоким спросом у современных читателей.

Образ советских спецслужб, порожденный воспоминаниями и литературными произведениями репрессированных граждан, был противоположен образу, создававшемуся в ходе советской государственной политики через историческую науку, художественную литературу и публицистику. Официальный образ представлял советским гражданам органы государ-

ственной безопасности как нравственный эталон. На основе биографии «первого чекиста» Ф.Э. Дзержинского советские историки и литераторы десятилетиями создавали сакральный образ советских спецслужб. Образ же, созданный бывшими жертвами коммунистического государства, развенчивал официальную мифологию, представляя органы безопасности в качестве репрессивного органа, вызывавшего у людей безграничный страх и чувство беспомощности. Несмотря на переименование, на всем протяжении своего существования органы ГПУ–ОГПУ–НКВД воспринимались населением страны со страхом как наследники ВЧК – организации, проводящей политику красного террора в отношении противников коммунистического режима и неугодных правящей партии лиц. Восприятие карательной сущности органов ОГПУ частью населения, непосредственно сталкивавшейся с их деятельностью, описано в автобиографическом романе А.П. Арцыбушева. По поводу аббревиатуры ОГПУ он приводил следующий вопиющий факт: «В этот день мама должна была явиться в Арзамасское ОГПУ. В народе эти четыре страшные буквы, буквы смерти многих миллионов невинных жизней, расшифровывали: О! Господи! Помоги Убежать! а в обратном чтении: Убежишь. Поймают. Голову Оторвут. Убежать некуда. Надо идти! ... Это было мое первое знакомство с органами уничтожения, и не последнее! Впоследствии его “карающий меч” опустил сперва на мамину голову в 1937-м, а на мою – в 1946-м» [13. С. 86]. Во фрагменте воспоминаний А.П. Арцыбушева, посвященном его аресту, массовый страх перед органами НКВД был описан так: «В солнечном свете промелькнули улицы, вот и Лубянка. ГОСУЖАС, как звалось это мрачное здание» [13. С. 220].

Подобное эмоциональное восприятие советских спецслужб было типично. На всем протяжении эпохи сталинизма страх советских граждан, сталкивавшихся с их деятельностью, перед ними только усиливался. Писательница Т.В. Петкевич, у которой до Великой Отечественной войны был репрессирован отец, а сама она пострадала в годы войны, подобно А.П. Арцыбушеву, описала реакцию на аббревиатуру органов НКВД. В своем автобиографическом произведении Т.В. Петкевич пишет: «Сама аббревиатура НКВД внушала смертельный страх. Давний, вжитой, до той поры посещавший, как приступы болезни, он теперь проник глубоко и парализовал. Я не представляла ни того, что меня ждет, ни того, как я с этим буду справляться» [14. С. 132]. Т.В. Петкевич на страницах воспоминаний неоднократно повторяла описание своего страха перед органами безопасности. Например, вызов своей подруги в НКВД она прокомментировала следующим образом: «Пересказанные Лизой вопросы столь мрачного и злодейского для нашей семьи государственного учреждения, как Большой дом, навели на меня ужас» [14. С. 76]. Страх, парализовавший людей при контактах с органами безопасности советского государства, который описывали бывшие узники советских тюрем и лагерей, подтверждается источниками, происходившими от чекистов. Проходившая службу в органах ВЧК–ОГПУ в Омской губернии П.К. Федо-

сеева об этом страхе простодушно с гордостью вспоминала, что «для населения чекисты были грозой морей» [15. С. 30].

Воспроизводимое чекистами в советском обществе чувство страха было одной из основ сталинского тоталитаризма. Значение страха для устойчивости тоталитарных режимов описано в классической литературе и осмыслено философами. В этой связи Т.К. Касумов и Л.К. Гасанова, анализируя произведение Кафки «Процесс», о значении страха пишут: «В романе Кафки “Процесс”... показано, как с целью сохранения своей власти некая таинственная и могущественная организация тотально “производит” страх для “потребления” массами. Такой страх, формализованный как *регламентированное ожидание ужаса*, составляет основу судебного разбирательства над банковским служащим Йозефом К. Судопроизводство, протекающее как “ожидание ожидания”, заканчивается заурядной казнью героя. И тогда становится ясно, что в разыгрываемом фарсе правосудия, приведшего к бессмысленной смерти законопослушного человека, главным был метафизический страх, являющийся субстанцией некой деспотической власти» [16. С. 38]. Истинность приведенного суждения демонстрируют многочисленные воспоминания и художественные произведения жертв массовых политических репрессий в СССР. Чувство страха и даже ужас долгие годы преследовали советских граждан, столкнувшихся с деятельностью органов государственной безопасности. Их чувства и эмоции передавались внутри советского социума по наследству. Страх, родившийся в то время в некоторых семьях, сохранился до сих пор. Автор этой статьи в 2000-е гг. сталкивался с потомками репрессированного священника, которые боялись и отказывались рассказывать о событиях, случившихся с их отцом в начале 1930-х гг. Одним из последствий этого страха является сознательное стирание семейной истории путем уничтожения старшим поколением семейных реликвий и намеренного сокрытия информации о своих предках от молодежи. В качестве примера можно привести историю семьи бывшего царского и колчаковского генерала Н.Н. Артамонова, ставшего одной из жертв массовых политических репрессий в СССР [17. С. 292].

Произведения жертв советских политических репрессий позволяют изучить принципы работы органов безопасности СССР в отношении попавших к чекистам граждан. Наиболее четко в романе «Хранитель древностей» их описал Ю.О. Домбровский. Когда главный герой романа Зыбин (прототипом его был автор романа) оказывается в тюрьме под следствием, бывалый политический заключенный Буддо рассказывает ему «три главных особенности» работы НКВД. «Первая: никаких колебаний у них в отношении арестованного нет. Сомнения, брать вас или нет, у них были, но кончились на день раньше вашего ареста. Теперь все. Теперь вы не только арестованы, но и осуждены...» Вторая: «Не преступник вы, а человек, и-зо-ли-ру-емый от общества! Ибо – вот это и есть второй принцип – вы, голубчик, человек вредный, сомнительный, не советский». Третья: вот вы спрашиваете, почему следователь вам не предъявляет ничего конкретного, а толь-

ко говорит: “Говори, говори, рассказывай!” Да потому, дорогой, что вас сюда привел не свят дух, а человек! И человек, вам известный. Больше чем известный: ваш лучший друг и брат, так как же его ставить под удар? Он, как воздух, нужен стране – он благороден, надежен, проверен и перепроверен, оперативен и вхож, вхож! Ему бы еще служить и служить – чистить и чистить страну от гадов и предателей, а вы его – раз и погубили!» [18. С. 434–438].

Эти особенности в несколько иных, но сходных формулировках содержатся и в автобиографическом романе А.П. Арцыбушева. Первая: «Вся система нашего правосудия построена на том, что каждый человек – потенциальный враг системы» [13. С. 248]. Вторая: «Ты враг уже потому, что твой дед – царский министр, что дядю твоего расстреляли, мать сидела, была в ссылке, кто это может простить?» [13. С. 227]. Третья: «Ради своей личной корысти, ради власти большой или самой маленькой миллионы людей принимали участие, прикладывали свои силы, талант и энергию к раскручиванию этого маховика, который, как молох, крушил и разрушал людей, общество и людские души, подчиняя их своей идеологии, в основе которой лежали насилие и ложь» [13. С. 238].

Таким образом, согласно описаниям опыта людей, попадавших в застенки чекистского ведомства, в отношении них репрессии строились на трех основных принципах. Первый: попавший в поле зрения органов государственной безопасности человек – враг, и, попадая, он уже виноват и осужден. Второй: органы безопасности «очищают» страну от «лишних» для строительства нового общества людей. Третий: деятельность чекистов основана на помощи множества граждан, желающих хорошо обустроить свою жизнь за счет окружающих, часто близких людей, «сдав» их для расправы органам безопасности. Эти особенности раскрывают суть строившейся в сталинском СССР системы надзора режима за гражданами. В основе ее лежали страх и низменные чувства людей, участвовавших в строительстве и желавших выжить и по возможности иметь высокий социальный статус и материальное благополучие. Естественно, что для большинства невинно осужденных органы государственной безопасности, проводившие политику правящей партии, становились олицетворением образа абсолютного зла и у большинства жертв режима закономерно вызывали страх.

Следует подчеркнуть, что в художественных произведениях и воспоминаниях жертв политических репрессий обезличенный образ чекиста был негативным и соответствовал образу ведомства, в котором он служил. В этом отношении наиболее показательно известное стихотворение Ю.О. Домбровского «Чекист» [19. С. 61]:

Я был знаком с берлинским палачом,
Владевшим топором и гильотиной.
Он был высокий, добродушный, длинный,
Любил детей, но выглядел сычом.
Я знал врача, он был архиерей;
Я боксом занимался с иезуитом,
Жил с моряком, не видевшим морей,
А с физиком едва не стал спиритом.

Была в меня когда-то влюблена
 Красавица – лишь на обертке мыла
 Живут такие девушки, – она
 Любовника в кровати задушила.
 Но как-то в дни молчанья моего
 Над озером угрюмым и скалистым
 Я повстречал чекиста. Про него
 Мне нечего сказать – он был чекистом.

Однако, несмотря на бездушный и страшный образ советских органов государственной безопасности и служителей чекистского ведомства, транслировавшийся в информационном пространстве жертвами массовых политических репрессий, следует отметить, что эти люди, как правило, в своих произведениях подчеркивали, что им встречались «плохие» и «хорошие» чекисты. Известный советский писатель Б.Д. Четвериков, пройдя тюрьмы и лагеря, в своих воспоминаниях о чекистах писал так: «Я всякий раз был в полном недоумении, пока не понял, что среди наших охранников, вообще среди чекистов в лагерях есть звери, садисты, но есть и настоящие люди. И не только в лагерях. Везде были типы вроде Андреева, служившие верой и правдой темным силам, действовавшие руками многочисленных Кулаковых, но и сами по локоть в крови своих жертв. Были даже такие, что отыскивали богатые семьи, собирали о них сведения, – ну, скажем, что кто-то в семье бывший офицер, – сажали всех в тюрьму, расстреливали и по приговору “с конфискацией”, забирали всю их обстановку, все имущество к себе. А были в органах – и в Ленинграде, и всюду по стране – честные, порядочные люди, страдавшие от творящихся бесчинств, но не могущие им противостоять, а иногда даже и сами оказывавшиеся в роли потерпевших, репрессированных» [20. С. 90]. В воспоминаниях А.П. Арцыбушева описано общение автора с нетипичным для системы следователем НКВД, который, ознакомив подследственного с материалами обвинения, в заключение разговора по-человечески обратился к нему: «К сожалению, вас не выпустят. Вас осудят! К сожалению! Но если вы будете вести себя там, в лагере, так же, как вели себя на следствии, вы выживете и выйдете на свободу. – С этими словами он пожал мне руку, и я тоже, так как был поражен его словами» [13. С. 254].

Присутствовавшее в произведениях граждан, пострадавших от массовых политических репрессий в СССР, разделение сотрудников советских органов государственной безопасности на «плохих» и «хороших» лишь усиливало у читателей отрицательное восприятие чекистского ведомства, где отдельные хорошие люди не могли изменить системы и зачастую сами становились ее жертвами.

Информационная кампания по разоблачению сталинизма, проводившаяся в СССР в годы перестройки, привела к тому, что описанное чувство страха у большинства населения исчезло. В этом есть и немалая заслуга опубликованных воспоминаний и художественных произведений. Люди, невинно пострадавшие от политических репрессий в СССР, должны были сказать обществу свою правду, и эта «субъективная историческая правда» принесла определенную пользу в борьбе

с тоталитарным коммунистическим злом. Они закономерно несли в общество крайне негативные оценки чекистского ведомства, вызывавшие у читателей отвращение к советским спецслужбам. В качестве примера приведем яркий фрагмент из труда А.И. Солженицына, в котором об органах государственной безопасности советского государства автор пишет следующее: «Известно, что всякий орган без упражнения отмирает. И так, если мы знаем, что Органы (этим гадким словом они называли себя сами), воспетые и приподнятые надо всем живущим, не отмирали ни единым щупальцем, но, напротив, наращивали их и крепили мускулатурой, – легко догадаться, что они упражнялись постоянно. По трубам была пульсация – напор то выше проектного, то ниже, но никогда не оставались пустыми тюремные каналы. Кровь, пот и моча – в которые были выжаты мы – хлестали по ним постоянно» [21. С. 27–28]. В условиях кризиса государственной идеологии и ослабления роли спецслужб былой страх трансформировался в неприятие по отношению к советским органам государственной безопасности, которые стали оцениваться в массовом сознании не как государственная правоохранительная структура, а как карательные, репрессивные органы, повинные в гибели миллионов невинных людей. Образ советских органов государственной безопасности, существовавший в сознании жертв политических репрессий в СССР, стал доминирующим в общественном сознании как образ организации, угрожающей гуманистическим ценностям и формирующемуся гражданскому обществу.

Особенно сильное влияние на сознание советских граждан оказывали работы А.И. Солженицына, указывавшего на десятки миллионов жертв политических репрессий в СССР. В своем ставшем классическим опыте художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ» писатель смело и бездоказательно о количестве жертв политических репрессий в СССР рассуждал: «Не имея в руках никакой статистики, не боюсь, однако, ошибиться, сказав: *поток 37–38-го* ни единственным не был, ни даже главным, а только, может быть, – одним из трех самых больших потоков, распавших мрачные вонючие трубы нашей тюремной канализации. До него был поток 29–30-го годов, с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как бы и не поболее)... И после был поток 44–46-го годов, с добрый Енисей: гнали по сточным трубам целые *нации* и еще миллионы и миллионы – побывавших (из-за нас же!) в плену, увезенных в Германию и вернувшихся потом... А поток 37-го года прихватил и понес на Архипелаг также и людей с положением, людей с партийным прошлым, людей с образованием, да вокруг них много пораненных осталось в городах, и сколько с пером! – и все теперь вместе пишут, говорят, вспоминают: тридцать седьмой! Волга народного горя! А скажи крымскому татарину, калмыку или чечену – “тридцать седьмой” – он только плечами пожмет. А Ленинграду что тридцать седьмой, когда прежде был тридцать пятый? А *повторникам* или прибалтам не тяжче был 48–49-й? И если попрекнут меня ревнители стиля и географии, что еще упустил я в России реки, так и потоки еще не

названы, дайте страниц! Из потоков и остальные сольются» [21. С. 27].

Созданный в СССР бывшими политзаключенными художественно-публицистический негативный образ советских органов государственной безопасности основан на отражении карательной деятельности чекистов в 1920–1950-е гг. Как исторический источник литературные произведения, написанные на основе воспоминаний жертв массовых политических репрессий в СССР, имеют двойную природу. С одной стороны, в их основе лежит личный опыт автора, пережившего описываемые им события, поэтому историку к таким произведениям нужно подходить критически, как к субъективным воспоминаниям. Но как источники личного происхождения такие произведения могут дать информацию, не сохранившуюся в других типах источников. Они доносят важную фактическую информацию об эпохе. С другой стороны, как художественные произведения они содержат элементы авторского вымысла, которые позволяют читателю прочувствовать эпоху, увидев ее глазами литературных героев. Воспоминания, публицистика и литературные произведения хранят историческую память общества, отражая отношение людей к сталинизму, к палачам и жертвам режима. Для профессиональных историков создаваемый в таких произведениях исторический контекст описываемой эпохи полезен в случаях, когда не хватает документальных источников, и эти источники в сопоставлении с косвенными документальными сведениями помогают реконструировать отдельные события и выдвигать гипотезы.

Таким образом, относительно небольшая, но талантливая и активная группа жертв сталинизма через свои произведения сумела утвердить отрицательный образ советских спецслужб, «обанкротив» официальный советский образ в общественном сознании населения страны. Подчеркнем, что на историческое сознание общества произведения узников сталинских лагерей оказывали и оказывают значительное и подчас большее влияние, чем академические труды профессиональных историков. В этом отношении чрезвычайно показательный факт, имевший место 5 июля 2019 г. в эфире главного в России государственного «Первого канала», когда на шоу «Три аккорда», оценивая выступление Анатолия Журавлева, известный российский эстрадный исполнитель Александр Маршал заявил о следующем факте, не имеющем ничего общего с реальностью: «Каждый второй или третий по 58-й статье отбывал в нашей стране срок наказания» [22]. Возможно, именно по причине неадекватности этого заявления в настоящее время данный выпуск не представлен на сайте канала. Такое абсолютно ложное представление известного певца порождено образом советских спецслужб, созданным в произведениях жертв сталинизма.

Борьба противоположностей: образы советских спецслужб в работах современных российских историков

Исторические факты, используемые для создания образа, отбираются и оцениваются в контекстуальных

рамках дискурса, породившего данный образ. Это наглядно иллюстрируется примером современной конкуренции образов советских спецслужб, к настоящему времени заменивших в общественном сознании их официальный доперестроечный советский образ.

Характеризуя состояние изученности истории отечественных спецслужб в российской историографии, новосибирский историк А.Г. Тепляков констатирует, что «в современной историографии сложилось своеобразное разделение труда, когда гражданские исследователи основное внимание уделяют репрессивным и институциональным аспектам работы ВЧК–НКВД, а выходцы из силовых структур, как бывшие, так и действующие, подчеркивают конструктивные элементы былой деятельности своих ведомств» [23. С. 86].

Основная идейная задача работ гражданских историков, «обличителей» кадров ВЧК–НКВД, заключается в разоблачении «сталинских палачей». В этой связи авторы справочника, посвященного руководящим кадрам НКВД, в предисловии прямо заявили следующее об отношении к героям своей работы: «Эти люди несут персональную ответственность за смерть и неволю миллионов наших сограждан, деяния их и сегодня вызывают содрогание. Мы считаем нашей гражданской и нравственной обязанностью в первую очередь опубликовать послужные списки творцов большого террора...» [24. С. 7.]. Очевидно, что в справочник попали люди с разными нравственными качествами, часть из которых стала не творцами, а жертвами «большого террора».

Ведомственные историки, в отличие от гражданских, имеют возможность ознакомиться с личными делами сотрудников спецслужб. Благодаря этому они, не отрицая участия своих предшественников в терроре, объясняют его особенностями конкретных биографий, связывая их с условиями эпохи Русской революции. В этом отношении заслуживает внимания статья А.С. Соколова, где предпринят анализ кадрового состава органов ВЧК. Автором на конкретных примерах показаны особенности и общие закономерности в формировании личности представителей руководства ВЧК. На основе биографических данных выделено два типологических портрета чекистов [25].

Обращаясь к чувству страха перед советскими спецслужбами, описанному в произведениях жертв сталинизма, следует отметить, что труды большинства современных гражданских историков несут в массовое сознание сходный образ советских органов государственной безопасности, создающий у читателей представление о тотальном страхе советских граждан перед спецслужбами. Так, например, А.Г. Тепляков в одной из своих широко известных работ назвал сотрудников советских спецслужб «опричниками Сталина» [26]. Следует признать, что такая параллель действительно имеет под собой определенные основания. Однако вызывают возражения односторонние негативные характеристики, даваемые в работах гражданских историков чекистским кадрам. Например, А.Г. Тепляков пошел в негативных оценках дальше жертв сталинизма, признававших наличие порядочных людей в органах безопасности. Историк характеризует чекистские

кадры следующим образом: «Увольнение массы ветеранов ЧК в первой половине 20-х гг. не привело к прерыванию основных чекистских традиций. Кадровый состав, оставаясь преимущественно малограмотным, хотя и получал лучшую чекистскую подготовку, по-прежнему воспитывался в духе правового нигилизма и ненависти к инакомыслящим. Моральный облик чекистов характеризовался крайней распространенностью в их среде не только пьянства, но и разнообразных криминальных проявлений» [27. С. 283]. В работах А.Г. Теплякова приводится множество фактов, иллюстрирующих данный тезис, при этом автор вырывает их из исторического контекста эпохи и не пытается объяснить их ее условиями, как мы, например, это сделали, описав пьянство чекистов в Сибири в 1920-х гг. [28]. Очевидно, что оценка А.Г. Теплякова далека от реальности. Ни одно государство не станет содержать пьяных и криминализованных спецслужб, так как они не смогут эффективно защитить его интересы. Факты же свидетельствуют, что в целом чекисты успешно решали поставленные перед ними правящей партией задачи.

А.А. Зданович, объясняя разделение историков на «ведомственных» и «вневедомственных», дает следующую характеристику своим коллегам «в погонах»: «...Ведомственный историк – это офицер. Поэтому, исходя из качеств своей личности, он не станет писать работ “не по-офицерски”. Для него есть более значимые и интересные проблемы, чем “чернуха”. То есть это нам не запрещено, но по моральным соображениям мы просто не будем писать о некоторых сюжетах, не являвшихся определяющими для истории органов безопасности. Вы должны понимать, что отдельные негативные моменты в истории отечественных спецслужб, конечно, имели место, но они не были определяющими. Без деятельности спецслужб не могло и не может существовать государство» [29. С. 57]. Последнее суждение бесспорно.

Современные ведомственные историки отечественных спецслужб, не ставя под сомнение чувство страха, возникавшее у граждан, попавших в жернова политических репрессий в СССР, и у их близких, подчеркивают, что карательная деятельность советских спецслужб по отношению к «врагам народа» вызывала поддержку широких масс. Массы были убеждены советской пропагандой в том, что органы государственной безопасности уничтожают настоящих, а не мнимых «врагов народа». В этой связи историк А.М. Плеханов приводит показательный пример. В ответ на убийство в 1927 г. в Польше советского полпреда П.Л. Войкова в СССР расстреляли 20 бывших белогвардейцев. Освещая в своих сводках реакцию населения, ОГПУ отмечало поддержку этого решения большинством рабочих, которые высказывались, что «расстреляны правильно, а то нам уже надоело протестовать. Наконец-то ЧК заработала» [30. С. 172].

При оценке деятельности советских спецслужб следует учитывать, что большинство советских граждан не имело опыта личного общения с чекистами. Известный отечественный историк В.Н. Земсков, опираясь на ведомственную статистику, доказал, что в эпо-

ху сталинизма 97,5% населения СССР не подвергалось политическим репрессиям ни в какой форме [31. С. 103]. Следовательно, большая часть советских граждан не сталкивалась с органами государственной безопасности. В большинстве своем советские люди не испытывали по отношению к ним страха, описанного в произведениях жертв политических репрессий.

В трудах современных гражданских исследователей основной проблемой истории советских спецслужб является террор. Обилие работ о терроре сделало востребованной подготовку специальной историографической статьи, где, подводя итоги изучения проблемы, С.А. Кропачев отмечает, что «период 2000-х гг. стал временем глубоких, серьезных публикаций отечественных историков о государственном терроре 1930-х гг. Сделано очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы “большого террора”, названа поименно часть его жертв» [32. С. 170]. С 1990-х гг. по настоящее время академическая историческая наука в целом способствует поддержанию в общественном сознании негативного образа советских спецслужб, созданного их жертвами.

Современные историки подтверждают суждение А.И. Солженицына о том, что репрессии конца 1920-х – начала 1930-х гг. были наиболее массовыми, но приводят значительно меньшее число лиц, пострадавших от коллективизации. На основе ведомственной статистики В.Н. Земсков утверждает, что было раскулачено около 4 млн крестьян [31. С. 68]. Подчеркнем, эта цифра жертв сталинской коллективизации более чем в три раза меньше, чем в работе А.И. Солженицына. Ведомственный историк О.Б. Мозохин обращает внимание на то, что «за эти годы раскулачили и выслали из родных мест на спецпоселение сотни тысяч крестьян. Совершенно очевидно, что эта часть населения страны была явно оппозиционной правительству» [33. С. 284]. Современная российская историческая наука на основе анализа ведомственной статистики также опровергает мифы о десятках миллионов осужденных по 58-й антисоветской политической статье. Среди большинства отечественных историков считаются доказанными статистические данные, согласно которым на 1962 г. в органах государственной безопасности хранилось 2 790 918 дел на 4 308 487 человек, из них 835 194 – на приговоренных к высшей мере наказания (ВМН). Приговоренных к ВМН было несколько больше – 862 513 человек; это число расстрелянных является на сегодняшний день наиболее полным [33. С. 288].

При научной оценке советских политических репрессий в эпоху сталинизма важно учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, споры о точном количестве репрессированных не изменяют преступной сути самих массовых политических репрессий в СССР, которые законодательно признаны и осуждены в Российской Федерации. Во-вторых, несомненно, что многие фигуранты тех дел в соответствии с действовавшими тогда правовыми нормами действительно совершили преступления, а их реабилитация стала не следствием невинности, а результатом политических кампаний. Политическая подоплека кампаний по

реабилитации достаточно подробно описана в монографии исследователя В.Н. Уйманова [34]. В-третьих, проблема точного подсчета жертв сталинизма остается актуальной по сей день. Следует согласиться с А.Г. Тепляковым, показавшим некоторые слабые места ведомственной статистики и справедливо настаивающим на том, что «исследования о советском терроре еще очень далеки от стадии зрелости и требуют кропотливого накопления эмпирического материала, без которого карательная статистика все еще остается недостаточно определенной величиной» [35. С. 64].

Ведомственный историк А.И. Пожаров справедливо оценивает сложившуюся в историографии ситуацию по освещению массовых политических репрессий следующим образом: «За последние десятилетия в распоряжении общественности появились тысячи страниц рассекреченных документов о деятельности отечественных спецслужб, которые раскрывают в подавляющем большинстве репрессивный характер работы ВЧК–КГБ по линии политического розыска. А материалы о содержательной стороне работы непосредственно разведки и контрразведки до сих пор остаются недоступными для историков. Одним из следствий этого обстоятельства являются многочисленные публикации с тенденциозными подходами, которые не отражают действительной картины развития отечественной разведки и контрразведки, способствуют формированию необъективности в историографии, создают однозначно отрицательное отношение к отечественным спецслужбам на фоне глобального информационного противоборства» [36. С. 8].

По мнению одного из основателей Общества по изучению истории отечественных спецслужб А.А. Здановича, «историки, стремящиеся объективно раскрыть роль органов государственной безопасности в деле выявления и нейтрализации угроз нашей стране в 1920–1930-е гг., остро нуждаются в рассекречивании соответствующих документов. Только в этом случае можно будет успешно продолжить уже ведущиеся исследования и отстаивать несомненно положительную роль советских спецслужб, несколько не приукрашивая их сложный путь» [37. С. 203]. Заметим, что вышеприведенная идеологически ангажированная оценка о «несомненно положительной роли» советских спецслужб не соответствует истине и не выдерживает научной критики из-за достаточно хорошо изученных массовых политических репрессий, проводившихся правящей партией руками чекистов. В целом о положительной роли советских спецслужб можно говорить только с начала Великой Отечественной войны. При этом следует учитывать, что они несут свою долю ответственности за поражение СССР в холодной войне и распад страны, так как не сумели предотвратить эти события.

Таким образом, в современной российской исторической науке существует два образа советских спецслужб. Первый под влиянием историков-эмигрантов и жертв массовых политических репрессий создан гражданскими исследователями, а второй – ведомственными историками и солидаризировавшейся с ними частью гражданских историков. В рамках каждого из

этих направлений в историографии есть значимые работы, где изучены отдельные аспекты истории советских спецслужб. Но оба образа не вполне отражают реальность. Однако второй образ несколько ближе к решению этой задачи, поскольку при его конструировании раскрыто больше аспектов деятельности советских спецслужб, чем в чрезвычайно упрощенном, конкурирующем с ним образе. При этом ведомственный образ не отрицает массовых политических репрессий в СССР, не придавая им главенствующего значения в деятельности чекистов. К сожалению, это не соответствует действительности применительно к истории советских спецслужб конца 1920-х – 1930-х гг. – времени, когда они сыграли отрицательную роль в истории страны.

Заключение

Художественно-публицистический образ советских спецслужб, созданный в произведениях, написанных гражданами, пострадавшими от массовых политических репрессий в СССР, в значительной степени определил не только массовое сознание, но и развитие отечественной исторической науки в освещении политических репрессий, оттолкнувшейся от ярких по форме обличений палачей. Большая часть гражданских историков продолжает находить новые источники и на их основе разоблачать сталинизм, поддерживая в общественном сознании односторонний, негативный образ советских спецслужб. Ведомственные историки, напротив, пытаются опровергнуть такие оценки и создают противоположный гражданским историкам в некоторой степени идеализированный образ советских спецслужб. Они обращают внимание на недостаток и тенденциозность введенных в научный оборот исторических источников, позитивные аспекты деятельности чекистов, о которых почти не пишут гражданские историки, активную поддержку репрессий массами населения и исторический контекст политических репрессий, делавших их, по сути, неизбежными. При этом «несомненно положительная роль» советских спецслужб, о которой пишут ведомственные историки, вызывает сомнения точно так же, как и безусловно отрицательный образ чекистского ведомства, созданный в мемуарах и литературных произведениях жертв политических репрессий в СССР, а также в работах части современных гражданских историков.

К сожалению, приблизиться к написанию многомерной истории советских спецслужб в настоящее время все еще не удалось из-за недостаточно репрезентативной источниковой базы, а также идеологической остроты темы, разобщающей историков, массово производящих односторонние оценки и конфликтующие между собой образы. Историческая наука транслирует дискурсивные, чрезвычайно субъективные образы чекистского ведомства, фрагментируя историческое сознание россиян. Всестороннее исследование советских органов государственной безопасности в ближайшем десятилетии будет оставаться одной из актуальнейших проблем истории России. В конечном счете на основе критического анализа всех видов

исторических источников и отказа от упрощенных, односторонних оценок единый многомерный образ советских спецслужб в историческом сознании современных россиян должны будут начать формировать профессиональные историки. Решение этой задачи возможно путем написания обобщающего труда по истории советских спецслужб, отражающего все основные аспекты их истории с учетом основных ре-

зультатов научных работ историков вне зависимости от ведомственной принадлежности. Появление такого, с научной точки зрения более объективного образа, адекватного исторической реальности, чрезвычайно важно. Оно будет способствовать преодолению разделения россиян и служить чрезвычайно важным в современных условиях единству исторического сознания соотечественников.

Список источников

1. Леонов С.В. Некоторые проблемы историографии ВЧК // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность : материалы XX Всерос. науч. конф. (Москва, 1–2 декабря 2016 г.). М. : О-во изучения истории отечественных спецслужб, 2017. С. 121–130.
2. Мельгунов С.П. Красный террор в России : 1918–1923. М. : Айрис-пресс, 2006. 352 с.
3. Соколов А.С. Критический подход к деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии при СНК РСФСР в современной историографии // Тайная стража России : очерки истории отечественных органов госбезопасности. М. : Алгоритм, 2020. Кн. 4. С. 531–546.
4. Федор Дж. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб. : Питер, 2012. 304 с.
5. Казьмина М.В. Современная отечественная историография об истоках и причинах репрессий 1930-х гг. // Российская государственность: исторические ретроспективы и современность : (к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области) : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук, профессора Николая Павловича Шуранова. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. С. 144–150.
6. Ферретти М. Сталин умер вчера... А действительно ли умер Сталин? // Советская историография. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 429–446.
7. Плеханов А.М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История Современность. 2018. № 1. С. 7–11.
8. Ганюшкина Э.А. Дискурсивная борьба с «травматическим прошлым» образа российских спецслужб // Конфликтология. 2014. № 2. С. 170–179.
9. Иванов А.А. Образ спецслужб Российской империи в общественном сознании в период Первой мировой войны (1914–1917) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1045–1052.
10. Попова А.Д. Формирование образа советской милиции в общественном сознании в годы «оттепели» // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 178–194.
11. Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс : Универс, 1994. С. 392–400.
12. Берендеев М.В. Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере формирования политических образов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 6. С. 91–99.
13. Арцыбушев А.П. Милосердия двери : автобиографический роман узника ГУЛАГа. М. : Никая, 2014. 480 с.
14. Петкевич Т.В. Жизнь – сапожок непарный. СПб. : Балтийские сезоны, 2017. Кн. 1. 504 с.
15. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.
16. Касумов Т.К., Гасанова Л.К. Страхи в жизни и жизнь в страхе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 34–46.
17. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.
18. Домбровский Ю.О. Хранитель древностей : роман : в 2 кн. М. : Эксмо, 2010. 736 с.
19. Домбровский Ю.О. Меня убить хотели эти суки / вступ. ст. и сост. К.Ф. Турумовой (Домбровской). М. : Возвращение, 1997. 200 с.
20. Четвериков Б.Д. Всего бывало на веку / предисл. и подгот. текста Н.Б. Четвериковой. Л. : Редактор, 1991. 159 с.
21. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 : опыт художественного исследования // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. М. : ИНКОМ НВ, 1991. Т. 5. 432 с.
22. Три аккорда. Четвертый сезон. Вып. от 05.07.2019. URL: <https://www.1tv.ru/shows/tri-akkorda/vypuski/tri-akkorda-chetvertyy-sezon-vypusk-ot-05-07-2019> (дата обращения: 25.07.2019).
23. Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.) : историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск : НГУЭУ, 2018. 434 с.
24. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 : справочник / под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рочинского. М. : Звенья, 1999. 504 с.
25. Соколов А.С. Штрихи к портрету руководителя органов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 3. С. 205–212.
26. Тепляков А.Г. Опричники Сталина. М. : Яуза ; Эксмо, 2009. 432 с.
27. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М. : Новый хронограф ; АИРО-XXI, 2008. 608 с.
28. Сушко А.В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 160–167.
29. Зданович А.А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.
30. Плеханов А.М., Плеханов А.А. Московские чекисты в тайной войне, 1921–1928 гг. М. : Вече, 2018. 432 с.
31. Земсков В.Н. Сталин, НКВД и народ СССР в 1930-е годы. М. : Алгоритм, 2017. 240 с.
32. Кропачев С.А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг. // Российская история. 2010. № 1. С. 166–172.
33. Мозохин О.Б. Масштаб политических репрессий в СССР (1918–1953) // Тайная стража России : очерки истории отечественных органов госбезопасности. М. : Алгоритм, 2017. С. 277–289.
34. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация. Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г. Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 564 с.
35. Тепляков А.Г. К вопросу о достоверности статистики государственных репрессий 1918–1953 гг. // Идеи и идеалы. 2015. № 4. С. 59–67.
36. Пожаров А.И. Разведка и шпионаж: особенности исторического исследования // Политическая история России: прошлое и современность : исторические чтения. СПб. : Любавич, 2016. Вып. 14: «Гороховая, 2». С. 7–17.
37. Зданович А.А. К вопросу изучения истории ВЧК–НКВД на современном этапе: полемические заметки // Клио. 2018. № 3 (135). С. 196–205.

References

- Leonov, S.V. (2017) Nekotorye problemy istoriografii VChK [Some Problems of the Historiography of the Cheka]. *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. Otechestvennye organy bezopasnosti: istoriya i sovremennost'* [Historical Readings at Lubyanka. Domestic Security Agencies: History and Modernity]. Proc. of the 20th All-Russian Conference. Moscow, December 1–2, 2016. Moscow: Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhbb. pp. 121–130.
- Melgunov, S.P. (2006) *Krasnyy terror v Rossii: 1918–1923* [The Red Terror in Russia: 1918–1923]. Moscow: Ayris-press.
- Sokolov, A.S. (2020) Kriticheskiy podkhod k deyatelnosti Vserossiyskoy chrezvychaynoy komissii pri SNK RSFSR v sovremennoy istoriografii [A Critical Approach to the Activities of the All-Russian Extraordinary Commission under the Council of People's Commissars of the RSFSR in Contemporary Historiography]. In: *Taynaya strazha Rossii: ocherki istorii otechestvennykh organov gosbezopasnosti* [The Secret Guard of Russia: Essays on the History of Domestic State Security Agencies]. Vol. 4. Moscow: Algoritm. pp. 531–546.
- Fedor, J. (2012) *Traditsii chekistov ot Lenina do Putina. Kul't gosudarstvennoy bezopasnosti* [Chekist Traditions from Lenin to Putin. The Cult of State Security]. St. Petersburg: Piter.
- Kazmina, M.V. (2012) Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya ob istokakh i prichinakh repressiy 1930-kh gg. [Contemporary Russian Historiography on the Origins and Causes of the Repressions of the 1930s]. In: *Rossiyskaya gosudarstvennost': istoricheskiye retrospektivy i sovremennost': (k 1150-letiyu rossiyskoy gosudarstvennosti i 70-letiyu Kemerovskoy oblasti)* [Russian Statehood: Historical Retrospectives and Modernity: (To the 1150th Anniversary of Russian Statehood and the 70th Anniversary of Kemerovo Oblast)]. Proc. of the All-Russian Conference. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 144–150.
- Ferretti, M. (1996) Stalin umer vchera... A deystvitel'no li umer Stalin? [Stalin Died Yesterday... Did Stalin Really Die?]. In: *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet Historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 429–446.
- Plekhanov, A.M. (2018) "Sozdayetsya vpechatlenie, chto my vospityvaem molodoe pokolenie 'ne pomnyashchee rodstva'..." ["It Seems That We Are Raising a Young Generation 'That Remembers No Kinship'..."]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 1. pp. 7–11.
- Ganyushkina, E.A. (2014) Diskursivnaya bor'ba s "travmaticheskim proshlym" obraza rossiyskikh spetssluzhbb [Discursive Struggle with the "Traumatic Past" of the Image of Russian Special Services]. *Konfliktologiya*. 2. pp. 170–179.
- Ivanov, A.A. (2008) Obraz spetssluzhbb Rossiyskoy imperii v obshchestvennom soznanii v period Pervoy mirovoy voyny (1914–1917) [The Image of the Special Services of the Russian Empire in Public Consciousness during the First World War (1914–1917)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 10(4). pp. 1045–1052.
- Popova, A.D. (2018) Formirovanie obraza sovetskoy militsii v obshchestvennom soznanii v gody "otepeli" [Formation of the Image of the Soviet Militia in Public Consciousness during the "Thaw"]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 8(1). pp. 178–194.
- Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, Univer. pp. 392–400.
- Berendeev, M.V. (2011) Obraz i diskurs: k voprosu o diskursivnom kharaktere formirovaniya politicheskikh obrazov [Image and Discourse: On the Question of the Discursive Nature of the Formation of Political Images]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 6. pp. 91–99.
- Artsybushev, A.P. (2014) *Miloserdniya dveri: avtobiograficheskiy roman uznika GULAGA* [The Doors of Mercy: An Autobiographical Novel of a GULAG Prisoner]. Moscow: Nikeya.
- Petkevich, T.V. (2017) *Zhizn' – sapozhok neparnyy* [Life – An Unpaired Boot]. Vol. 1. St. Petersburg: Baltiyskie sezony.
- Vasilevskiy, V.P. & Sushko, A.V. (2017) "Strazhi revolyutsii": organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'e ["Guardians of the Revolution": The Bodies of the GPU–OGPU in the Omsk Irtysh Region]. Omsk: Omsk State Technical University.
- Kasumov, T.K. & Gasanova, L.K. (2014) Strakhi v zhizni i zhizn' v strakhe [Fears in Life and Life in Fear]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 34–46.
- Petin, D.I. & Kaminskiy, V.V. (2017) General-mayor Genshtaba N.N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N.N. Artamonov (1872–1937): A Biography Through the Prism of New Sources]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 275–300.
- Dombrovskiy, Yu.O. (2010) *Khranitel' drevnostey: roman* [The Keeper of Antiquities: A Novel]. Moscow: Eksmo.
- Dombrovskiy, Yu.O. (1997) *Menya ubit' khoteli eti suki* [These Bastards Wanted to Kill Me]. Moscow: Vozvrashchenie.
- Chetverikov, B.D. (1991) *Vsego byvalo na veku* [Everything Happened in a Lifetime]. Leningrad: Redaktor.
- Solzhenitsyn, A.I. (1991) *Maloe sobranie sochineniy* [Small Collected Works]. Vol. 5. Moscow: INKOM NV.
- Itv.ru. (2019) *Tri akkorda. Chetvertyy sezon. Vypusk ot 05.07.2019* [Three Chords. Fourth Season. Episode of 05.07.2019]. [Online] Available from: <https://www.itv.ru/shows/tri-akkorda/vypuski/tri-akkorda-chetvertyy-sezon-vypusk-ot-05-07-2019> (Accessed: 25th July 2019).
- Tepliyakov, A.G. (2018) *Deyatelnost' organov VChK–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941 gg.): istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty* [Activities of the Bodies of the Cheka–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941): Historiographical and Source Study Aspects]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management.
- Petrov, N.V. & Skorkin, K.V. (1999) *Kto rukovodil NKVD, 1934–1941: spravochnik* [Who Led the NKVD, 1934–1941: A Handbook]. Moscow: Zven'ya.
- Sokolov, A.S. (2018) Shtrikhi k portretu rukovoditelya organov Vserossiyskoy Chrezvychaynoy Komissii [Strokes to the Portrait of the Head of the Bodies of the All-Russian Extraordinary Commission]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskiye nauki*. 3. pp. 205–212.
- Tepliyakov, A.G. (2009) *Oprichniki Stalina* [Stalin's Oprichniki]. Moscow: Yauza, Eksmo.
- Tepliyakov, A.G. (2008) *Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The Machine of Terror: The OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941]. Moscow: Novyy khronograf, AIRO–XXI.
- Sushko, A.V. (2020) The struggle against drunkenness in the joint state political directorate departments in Siberia in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 160–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/19
- Zdanovich, A.A. (2021) "Kontseptual'no my dolzhny pisat' ne o tom, kak pobedili, a o tom, kak na dolgom puti voevali i cherez poteri prishli k Velikoy Pobede..." ["Conceptually, We Should Write Not About How We Won, But About How We Fought Along a Long Path and Came Through Losses to the Great Victory..."]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 6(4). pp. 55–61.
- Plekhanov, A.M. & Plekhanov, A.A. (2018) *Moskovskie chekisty v taynoy voyne, 1921–1928 gg.* [Moscow Chekists in the Secret War, 1921–1928]. Moscow: Veche.
- Zemskov, V.N. (2017) *Stalin, NKVD i narod SSSR v 1930-e gody* [Stalin, the NKVD and the People of the USSR in the 1930s]. Moscow: Algoritm.
- Kropachev, S.A. (2010) Noveyshaya otechestvennaya istoriografiya o masshtabakh politicheskikh repressiy v 1937–1938 gg. [The Latest Russian Historiography on the Scale of Political Repressions in 1937–1938]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 166–172.
- Mozokhin, O.B. (2017) Masshtab politicheskikh repressiy v SSSR (1918–1953) [The Scale of Political Repressions in the USSR (1918–1953)]. In: *Taynaya strazha Rossii: ocherki istorii otechestvennykh organov gosbezopasnosti* [The Secret Guard of Russia: Essays on the History of Domestic State Security Agencies]. Moscow: Algoritm. pp. 277–289.
- Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i reabilitatsiya. Politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 g.)* [Liquidation and Rehabilitation. Political Repressions in Western Siberia in the System of Bolshevik Power (Late 1919–1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Tepliyakov, A.G. (2015) K voprosu o dostovernosti statistiki gosudarstvennykh repressiy 1918–1953 gg. [On the Question of the Reliability of Statistics on State Repressions in 1918–1953]. *Idey i idealy*. 4. pp. 59–67.

36. Pozharov, A.I. (2016) Razvedka i shpionazh: osobennosti istoricheskogo issledovaniya [Intelligence and Espionage: Features of Historical Research]. In: *Politicheskaya istoriya Rossii: proshloe i sovremennost': istoricheskie chteniya* [Political History of Russia: Past and Present: Historical Readings]. Vol. 14. St. Petersburg: Lyubavich. pp. 7–17.
37. Zdanovich, A.A. (2018) К вопросу изучения истории ВЧК–НКВД на современном этапе: polemicheskiye zametki [On the Issue of Studying the History of the Cheka–NKVD at the Present Stage: Polemical Notes]. *КИО*. 3(135). pp. 196–205.

Сведения об авторе:

Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры история, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sushko Aleksey V. – Doc. Sci. (History), Professor of the Department “History, Philosophy and Social Communications”, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 11.02.2023; accepted for publication 21.01.2026